

P2
C47

Н. СЛАДКОВ

Трясогузкины
ПИСЬМА

Детиз
1959

кн. 82. Тр. 90л.

Н. СЛАДКОВ

P2
C47

Трясогузкины ПИСЬМА

Рассказы

Рисунки
И. Ризнига

47463
24
59777

59

ЧИТАЛЬНЯ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1950

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 31
Ленинского района
г. МОСКВА

1970

„Что за странные названия рассказов?“ — спросите вы, перелистывая книжку Николая Ивановича Сладкова — „Трясогузкины письма“.

Действительно, названия необычные: „Как клесты заставили бѣлок по снегу прыгать“, „Вежливая галка“, „Фазаний букет“, „Стрижиная тайна“, „Водяной календарь“...

В мире растений, птиц, рыб и зверей много загадок и тайн. На первый взгляд они похожи на вымысел.

С каждым прочитанным рассказом перед вами одна за другой раскрываются загадки и тайны природы.

Учись наблюдать, не будь беспомощным в лесу, на речке, в горах, умей предвидеть события, пользуйся своими знаниями — и ты будешь бережливым хозяином природы.

Жизнерадостные, поэтичные, рассказы Н. Сладкова пробуждают в читателе ту особую бодрость, которая вливает в человека новые силы, новые стремления и желание всё знать о своей богатой, необъятной Родине.

Пожелания и отзывы о книге присылайте по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ДЯТЕЛ

Шёл я просекой. Вдруг слышу — стучит! На пути сухое дерево. Я к дереву — никого! Посмотрел наверх — дупло. А внизу, под сухостойной, свежая попорка.

Дятел старается!

Только старается он не на дереве, а в дереве.

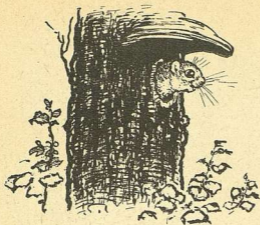
На сушине козырьком гриб-трухляк. Под грибом дупло, как слуховое оконце. Ударил я каблуком по дереву — в слуховое оконце высунулась носатая голова в красной тубетейке.

— Здравствуй, помощник!

Люблю я дятлов. Дятлы поедают много разных вредных короедов, нам, лесникам, помогают сохранять лес. Увидел меня дятел, испугался и улетел.

Не легко дятлу носом своим, как топором, вырубить в сухом дереве дупло для гнезда. А тут мешают ещё!

Я больше дятлу не мешал. Но покоя ему не было: то вихрь раскачивал сухостойну, то косой ливень заливал дупло. А однажды забралась в дупло лупоглазая

белка-летяга. Дятел кричал, прыгал у дупла, а летяга спокойно смотрела на него из оконца под грибком большими птичьими глазами. И только когда я палкой стукнул по сухостоине, летяга выскочила и полетела, как кленовый лист, распластавшись в воздухе.

Каждый раз, шагая по просеке, я прислушивался: стучит ли? И слышал: стучит! Стук стал совсем глухой: видно, дятел долбил уже глубоко. А под деревом всё росла и росла кучка жёлтой посорки. И уже теперь, когда я стучал сапогом по сушине, дятел не улетал, а только выглядывал. Тюбетейка у него была засыпана трухой.

Как-то, проходя просекой, я увидел ястреба-перепелятника. Он промчал над самой моей головой и вдруг закружил вокруг сухостоины, шаркая крыльями по коре.

А по сушине, спасаясь от ястреба, заметался мой дятел. Дятел — в дупло, ястребок — хватить! И, видно, цапнул! Полетели пёрышки. Я выстрелил в налётчика, и он упал. А дятел выпорхнул из дупла и прицепился на соседнее дерево. Он нахохлился и спрятал клюв в перья.

Белые пёрышки на крыле покраснели от крови. Выживет ли?

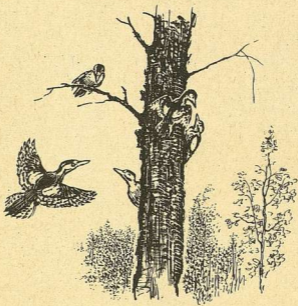
Назавтра, шагая по просеке, я ещё издали наострил ухо. И слышу: стучит!

На радостях я так грохнул сапогом в сушину, что она качнулась. В окошке под грибком показалась знакомая носатая голова в красной тубетейке. Работяга весь был в древесной трухе. Он сердито покосился на меня одним глазом, качнул носом — будто чихнул. Видно, труха в ноздри набилась.

— Будь здоров! — крикнул я дятлу.

Дятел нырнул в дупло и застучал опять. Ему было не до шуток. Он спешил закончить своё гнездо.

Будет у меня летом целая семья помощников.

КАК КЛЕСТЫ ЗАСТАВИЛИ БЕЛОК ПО СНЕГУ ПРЫГАТЬ

Не очень-то любят белки по земле прыгать. Наследишь — охотник с собакой и выследит! На деревьях куда безопаснее. Со ствола — на сучок, с сучка — на ветку. С берёзы — на сосну, с сосны — на ёлку.

Там почки позубрят, там шишки пошелушат. Так и живут.

Ходит охотник с собакой по лесу, смотрит под ноги. Нет на снегу беличьих следов! А на еловых лапах следов не увидишь! На еловых лапах одни шишки, да ещё клесты.

Красивые эти клесты! Самчики пурпурные, самочки жёлто-зелёные. А уж шишки шелушить великие мастера! Оторвёт клёст шишку клювом, прижмёт её лапкой и давай кривым носом чешуйки отгибать, семена вышелушивать. Отогнёт чешуйку, отогнёт вторую и бросит шишку. Шишек много, — чего их жалеть! Улетят клесты — под ёлкой целая груда шишек остаётся. Охотники называют такие шишки клёстовой падалицей.

Идёт время. Клесты всё срывают да срывают с ёлок шишки. Совсем мало в лесу на елях шишек становится. Голодно бел-

кам. Хочешь не хочешь, а приходится на землю спускаться да понизу ходить, клёстовую падалицу из-под снега выкапывать. Голод не тётка!

Ходит белка понизу — оставляет след. По следу — собака. За собакой — охотник.

— Спасибо клестам, — говорит охотник, — спустили белку на низ!

К весне из всех шишек на елях высыплются последние семена. Белкам теперь одно спасение — падалица. В падалице все семена целы. Всю голодную весну подбирают и шелушат белки клёстовую падалицу. Теперь бы им клестам спасибо сказать, но белки не говорят. Не могут они забыть, как клесты заставили их зимой по снегу перед охотниками прыгать!

ВЕЖЛИВАЯ ГАЛКА

Много у меня среди диких птиц знакомых. Воробья одного знаю. Он весь белый — альбинос. Его сразу отличишь в воробьиной стайке: все серые, а он белый.

Сороку знаю. Эту я по нахальству отличаю. Зимой, бывало, люди за окно продукты вывешивают, так она сейчас же прилетит и всё растреплет.

А вот галку одну я заметил за её вежливость.

Была метель.

Ранней весной бывают особые метели — солнечные. Снежные вихри завиваются в воздухе, всё сверкает и несётся! Каменные дома похожи на скалы. Наверху буран, с крыш, как с гор, текут снежные водопады. Сосульки от ветра растут в разные стороны, как косматая борода деда Мороза.

А над карнизом, под крышей, есть укромное местечко. Там два кирпича из стены выпали. В этом углублении и устроилась моя галка.

Чёрная вся, только на шейке серый воротничок. Галка грелась на солнце, да ещё и расклёвывала какой-то лакомый кусок. Уютное местечко!

Если бы этой галкой был я, я бы никому такое местечко не уступил!

И вдруг вижу — подлетает к моей большой галке другая, поменьше и цветом

потусклее. Прыг-скок по карнизу. Круть-верть хвостом! Села напротив моей галки и смотрит.

Ветер её треплет — так перья и заламывает, так белой крупной и сечёт!

Моя галка кусок свой схватила в клюв и шась из углубления на карниз! Тёпленькое местечко чужой уступила!

А чужая галка хватъ у моей кусок из клюва — и на её тёпленькое местечко. Лапкой чужой кусок прижала — клюёт. Вот бессовестная!

Моя галка на карнизе — под снегом, на ветру, без еды. Снег её сечёт, ветер перья заламывает. А она, дура, терпит! Не выгоняет маленькую.

„Наверное, — думаю, — чужая галка очень старая — вот ей место и уступают. А может, это всем известная и всеми уважаемая галка? Или, может, она маленькая, да удаленькая — драчунья“. Ничего я тогда не понял.

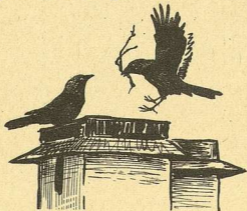
А недавно вижу: обе галки — моя и чужая — сидят себе рядышком на старой печной трубе, и у обеих в клювах прутики.

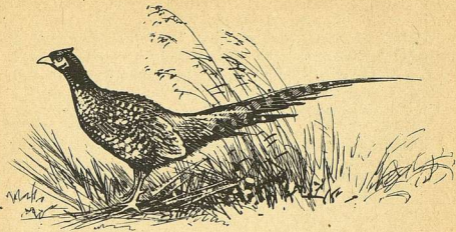
Эге, гнездо строят! Тут уж каждый поймёт.

И маленькая галка совсем не старая, и не драчунья. Да и не чужая она теперь. И уж, конечно, не всеми уважаемая.

А моя знакомая галка совсем не галка, а гал!

Но всё равно мой знакомый гал очень вежливый. Я такого первый раз вижу.

ФАЗАНИЙ БУКЕТ

Фазана я подстрелил ещё осенью. Нагнулся, чтоб взять его, — и не могу: руку боюсь обжечь! Перо полыхает медью, бронзой, пурпуром. Жар-птица — да и только!

Моя дочка-первоклассница подняла фазана за крыло и говорит:

— Ой, папа, что ты наделал!

А я уж и сам не рад.

— Фазана не оживишь, — говорю дочке, — пусть он хоть науке послужит! Давай запищем его размеры и окраску и посмотрим, — чем он питается?

Зоб у фазана был туго набит насекомыми, ягодами и семенами. Всё это я разложил на отдельные кучки и стал смотреть, что ест

фазан осенью. Насекомых я определил быстро. Были там кузнечики, кобылки и муравьи. Ягоды тоже узнать не трудно — одна лиловая ежевика да смородина. А вот семена — беда! Попробуй-ка определи, от каких они растений?! Пришлось семена ссыпать в спичечный коробок и положить в стол. Написал я на коробке: „Семена“ — и оставил до лучших времён. Может, найдётся специалист, определит.

Прошла зима. Только к весне вспомнил я про коробок с семенами. Открыл коробок — пусто! Спрашиваю дочку:

— Ты взяла семена?

— Это те, что в коробке, как погरेмушки, стучали?

— Те самые, что стучали.

— Я взяла. Я их в горшок с землёй посадила. У нас в классе сейчас все опыты делают — семена сажают.

Я подумал-подумал и не стал ругать дочку. Даже ещё и похвалил.

— Молодец! — говорю. — Прорастут семена — вырастут в твоём горшочке цветы. Вот мы и узнаем, какие семена клевал фазан. Без специалиста обойдёмся. Послужит наш фазан науке!

Дочка, конечно, все мои слова мимо ушей пропустила, только про цветы запомнила. Наклеила на горшочке с семенами ярлычок и на ярлычке печатными буквами написала: „Фазаний букет“.

ТРЯСОГУЗКИНЫ ПИСЬМА

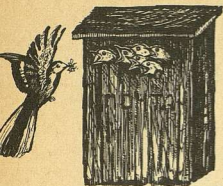
У калитки в сад прибит почтовый ящик. Ящик самодельный, деревянный, с узкой щелью для писем. Почтовый ящик так долго висел на заборе, что доски его стали серыми и в них завёлся древоточец.

Осенью залетел в сад дятел. Прицепился к ящику, стукнул носом и сразу угадал: внутри древоточина! И у моей щели, в которую опускают письма, выдолбил круглую дыру.

А весной прилетела в сад трясогузка — тоненькая серенькая птичка с длинным хвостиком. Она вспорхнула на почтовый ящик, заглянула одним глазком в дыру, пробитую дятлом, и облюбовала ящик под гнездо.

Трясогузку эту мы прозвали Почтальоном. Не потому, что она поселилась в почтовом ящике, а потому, что она, как настоящий почтальон, стала приносить и опускать в ящик разные бумажки.

Когда же приходил настоящий почтальон и опускал в ящик письмо, перепуганная трясогузка вылетала из ящика и долго бегала по крыше, тревожно попискивая

и качая длинным хвостиком. И мы уже знали: тревожится птичка — значит, есть нам письмо.

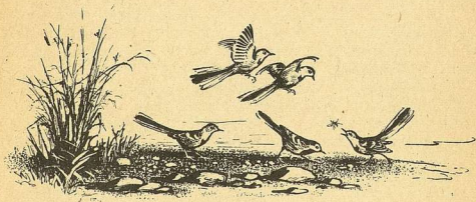
Скоро вывела наша почтальонша птенцов. Тревог и забот у неё — на целый день: и кормить птенцов надо, и от врагов защищать. Стоило теперь почтальону только показаться на улице, как трясогузка уже летела ему навстречу, порхала у самой головы и тревожно пищала. Птичка хо-

рошо узнавала его среди других людей.

Услышав отчаянный писк трясогузки, мы выбегали навстречу почтальону и брали у него газеты и письма: мы не хотели, чтобы он тревожил птичку.

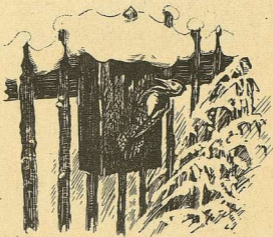
Птенцы быстро росли. Самые ловкие стали уже выглядывать из щели ящика, крутя носами и жмурясь от солнца. И однажды вся весёлая семейка улетела на широкие, залитые солнцем речные отмели.

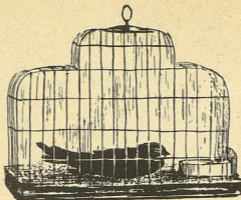
А когда пришла осень, в сад опять прилетел бродягдятел. Он прицепился к почтовому ящику и носом своим, как долотом, так раздолбил дыру, что в неё можно было просовывать руку.

Я просунул руку в ящик и вынул из ящика все трясогузкины „письма“. Были там сухие травинки, обрывки газет, клочки ваты, волосы, фантики от конфет, стружки.

За зиму ящик совсем одряхлел; для писем он уже не годился. Но мы его не выбрасываем: ждём возвращения серенького почтальона. Ждём, когда он опустит в наш ящик своё первое весеннее письмо.

СТРИЖИНАЯ ТАЙНА

Помните сказку про Гейнца? Гейнец был такой лентяй, что даже после сна отдыхал. И, главное, ничего ему от его лентяйства плохого не делалось.

„Наверно, от лентяйства худа не бывает!“ — решил я. А вышло, — бывает!

Я очень люблю птиц — всё с ними вожусь. Клеток у меня полон дом. И в клетках не какие-нибудь там чижики, снегири или чечётки. Чижики-снегирики — дошкольная ступень для любителя птиц. Их любой мальчуган сумеет держать.

У меня живут самые трудные наши птички — королянки, крапивники, синички длиннохвостые. Если таких сумеешь выдержать — значит, ты птицелов высшего класса.

Таким меня все и считали. И был мне от всех любителей почёт и уважение. При встрече, бывало, шапки снимали и пальцем в спину показывали: „Вон пошёл — дока!“

Но вдруг приходит ко мне незнакомый человек. Осмотрел моих птиц и усмехнулся.

СФТ
7

— Корольки да крапивники — не предел. Наивысший класс — это стриж! — И ушёл.

Это был вызов. Назавтра же я поймал стрижа. Ловить их просто. Они жили в моём же доме, под карнизом.

Стриж ничего не ел и не пил. Неподвижно лежал на дне клетки. Пришлось выпустить.

Поймал второго. Этого я поймал насильно. Пойл точно в те часы, когда вольные стрижи летали на озеро и с лету, заломив над спинкой острые крылышки, хватили клювиками воду. Кормил я стрижа тоже насильно. Кормил такими же комариками-мушками, каких нашёл у него во рту, когда поймал. Стрижи несут в гнездо не по одному комарику, а собирают их во рту целый комочек.

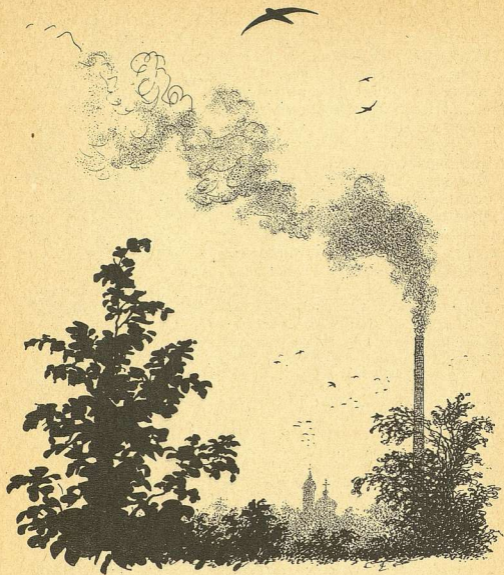
И клетку со стрижом я поставил на крышу, на свежий воздух. И пещерку ему с гнездом для ночлега устроил. Всё как у вольных стрижей!

Стриж ел, пил, беспокойно лазал по сетке и к утру так ослабел, что пришлось выпустить.

Посадил я тогда в клетку сразу двух. Может, они, как и мои корольки и длиннохвостики, не могут по одному жить?

Через день пришлось выпустить. Оба чуть живы были.

Я люблю птиц. И хоть горько мне было, но стрижей в клетку больше сажать я не мог. Решил на вольных стрижах разгадать их тайну. Привязал стрижу на лапку

красную ленточку и выпустил. А сам взял бинокль, вылез на крышу и стал следить.

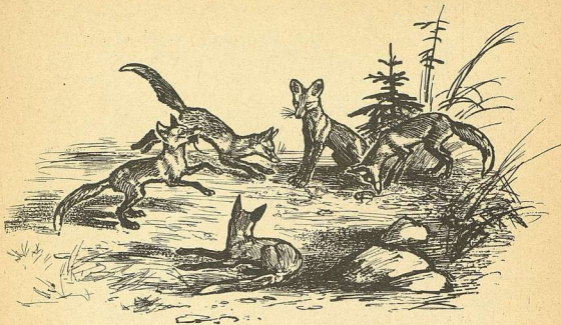
Стриж вылетел на охоту на зорьке. Долетел до колокольни, потом до заводской трубы, потом к озеру. И назад — птенцов кормить. От гнезда до колокольни, от колокольни до трубы, от трубы до озера и назад — пять километров. До самого заката охотился стриж. И вышло, что за день налетал он больше полтысячи километров! И так ведь каждый день!

Понял я, что даже мне, старому птицелову, не выдержать стрижа в клетке. А вам, ребята, - и подавно!

Все знают, что можно и лошадь загнать. Даже зайца можно загнать, если гонять его без перерыва. Упадёт, лапками подрыгает — и готов! Вот и у стрижа похоже. Только наоборот. Сердце его, лёгкие, мускулы — всё приспособлено для большого полёта. И вдруг — нельзя! Вдруг — клетка! И стриж слабеет и гибнет от... отдыха.

Ну как тут не вспомнить про ленивого Гейнца? Знал бы он про стрижей, — побоялся бы после сна отдыхать!

ВЕСЁЛАЯ ИГРА

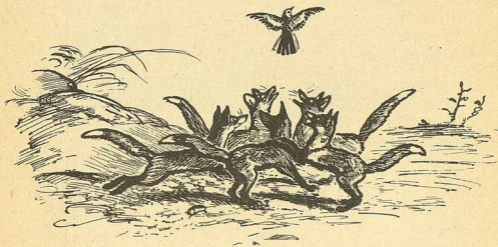
Притащила лиса лисятам мышей на обед. А лисята — сыты — давай с мышами играть. Двое одну мышь схватили — тянут-потянут. А один сразу трёх в пастишку — хап! Только хвостишки висят.

Играли, пока надоело. Тогда мышей бросили — в нору залезли. Легли у выхода, мордочки на передние лапки положили — смотрят из тёмной норы на светлый мир. И видят: прилетели к норе мухи. Закружили, зажужжали. За мухами — птичка трясогузка. Тоненькая такая, серенькая. Хвостиком качает и ножками семенит. Пробежит и остановится, пробежит и остановится. А остановится — и закачает хвостиком, будто дразнит.

Съёжились лисята. Трясогузка вправо — и лисьи глаза вправо, трясогузка влево — глаза влево. Так и перекачываются.

Лисята как выскочат! Чуть-чуть птичку не поймали. Опять в нору забились — караулят. Опять слетелись мухи. За мухами — трясогузка. У самой норы хвостиком дразнит. Лисята как выскочат — чуть не поймали! Тут уж и не поймёшь: игра это или охота?

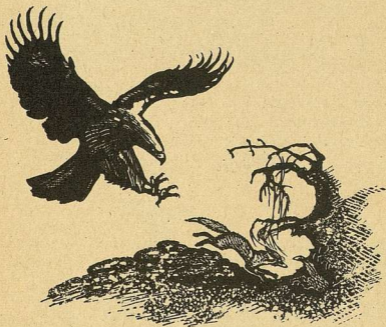
Вот в который раз выскочили и опять зря. Сбились в кучку. А сверху, с синего неба, нависла тень, заслонила солнце.

Кинулись лисята разом в нору — еле протиснулись. Это орёл их припугнул.

Видно, ещё молодой орёл. Тоже, наверное, играл. Ведь у зверят да у птиц все игры в охоту. Только игрушки разные. У одних — мыши, у других — лисята.

Играй, да поглядывай!

А удобная эта игрушка — мышь. Хочешь в охоту с ней играй, хочешь в прятки. А надоело — хап! — и съел.

НА НЕВЕДОМОЙ ДОРОЖКЕ

Разными тропами досталось мне ходить: медвежьими, кабаньими, волчьими. Ходил и заячьими тропинками и даже птичьими. Но такой тропинкой шёл

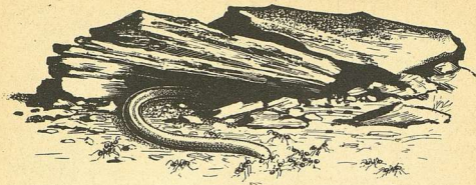
впервые. Тропинку эту расчистили и протоптали муравьи.

На звериных тропах разгадывал я звериные тайны. Что-то увижу на этой тропе?

Шёл я не по самой тропинке, а рядом. Уж больно узка тропинка — как ленточка. Но для муравьёв-то она была, конечно, не ленточка, а широченное шоссе. И муравьёв бежало по шоссе много-много. Тащили мух, комаров, слепней.

Слюдяные крылышки насекомых блестели. Казалось, что между травинок по склону льётся струйка воды.

Я иду по муравьиной тропе и считаю шаги: шестьдесят три, шестьдесят четыре, шестьдесят пять шагов... Ого! Это моих больших, а сколько же муравьиных?!

Только на семидесятом шагу струйка пропала под камнем. Серьёзная тропа.

Я присел на камень — дух перевести. Сижу, смотрю, как бьётся под ногами живая жилка. Дунет ветер — рябь по живому ручейку. Проглянет солнце — засверкает ручейк.

Вдруг будто волна хлынула по муравьиной дорожке. Змейка по ней вильнула и — нырк! — под камень, на котором я сидел. Я даже ногу отдернул, — наверное, это вредная гадючка. Ну и поделом — сейчас муравьи её обезвредят.

Я знал, что муравьи смело нападают на змей. Облепят змею — и останутся от неё одни чешуйки да косточки. Я даже задумал скелет этой змейки забрать и ребятам показать.

Сижу, жду. Под ногами бьётся и бьётся живой ручейк. Ну, теперь пора! Осторожно приподнимаю камень — не повредить бы змеиный скелет. Под камнем змея. Но не мёртвая, а живая и вовсе не похожая на скелет! Наоборот, она стала ещё толще! Змейка, которую должны были съесть муравьи, спокойно и не торопясь сама ела муравьёв. Она прижимала их мордочкой и втягивала языком в рот. Змейка эта была не гадючка. Таких змей я ещё никогда не видел. Чешуйка, как наждак, мелкая, сверху и снизу одинаковая. Больше на червяка похожа, чем на змею.

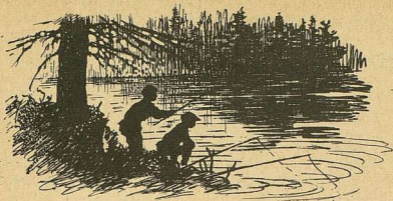
Удивительная змейка: приподняла тупой хвост вверх, повела им из стороны в сторону, как головой, да вдруг и поползла хвостом вперед! А глаз не видно. Не то змея с двумя головами, не то вовсе без головы! А питается-то чем — муравьями!

Не вышел скелет, так я змейку забрал. Дома подробно её разглядел и определил название. Глаза у неё нашёл: маленькие, с булавочную головку, под чешуйками. Потому-то и называют её — слепозмейка. Живёт она в норах под землёй. Там ей глаза и не нужны. А вот ползать то головой, то хвостом вперёд — удобно. И землю она рыть может.

Вот к какому невиданному зверю привела меня неведомая дорожка.

Да что говорить! Каждая дорожка куда-то ведёт. Только идти не ленись.

РАСКЛАДНОЕ ЯЙЦО

В летние каникулы приехал я как-то со своим дружкой Петей в деревню.

Пошли мы на озеро. С горы озеро было похоже на огромное яйцо. Захотелось нам на него вблизи посмотреть. Но, пока спускались, озеро изменило цвет. То вдруг стало зелёным, к вечеру — жёлтым, а на самой вечерней зорьке — красным. Будто это было не простое яйцо, а ещё и раскладное: в синем лежало зелёное, в зелёном — жёлтое, а в жёлтом — красное.

— Вот здорово! — радовался я.

Но Петька сердился и торопил. Уж очень он проголодался.

— Таким яйцом сыт не будешь, — бурчал он.

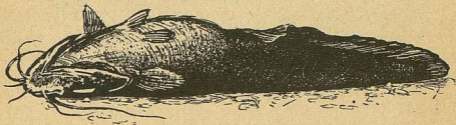
К озеру мы спустились уже в темноте. Закинули в чёрное озеро удочки-донки. Крючки наживили большими лягушками: уж поймать, так чтоб на двоих хватило!

Ночью крючок с лягушкой схватил сом. Да здоровенный! Замучились мы с ним. Пока вытащили, — солнце

поднялось. Совсем мы отошали. А сомина жирный, чёрный, блестит. И с усами.

— Это, брат, тебе не раскладное яйцо, — дразнит Петька.

— Подожди, — говорю, — дай посмотреть.

Чёрный сом, а брюхо у него светлое. И такое брюхо толстое да жирное; так и хочется по этому мягкому брюху ладонью шлёпнуть. Я шлёпнул и чувствую — есть что-то в брюхе.

Разрезали мы чёрного сома, а в нём коричневый налима. И тоже хорош — с локоть. Свежий совсем, недавно, видно, попался. Налима весь в мутных пятнах, а брюхо,

как у сома, светлое и тоже раздуто. Разрезали налиму брюхо. В брюхе у налима уж. Ужишко не очень большой, с карандаш. Серый, с оранжевыми пятнышками на затылке. А посредине будто узелок — тоже кого-то проглотил. Разрезали — рыбка, краснопёрка золотая, плав-

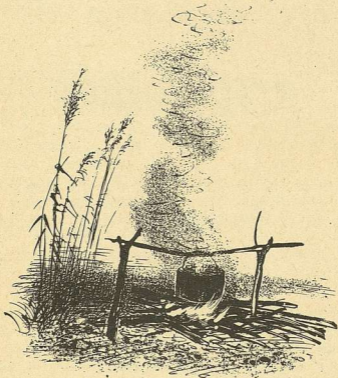
нички красные. У краснопёрки в желудке мошкара разная, кузнечик. У кузнечика тоже в желудке что-то есть, не разобрать только.

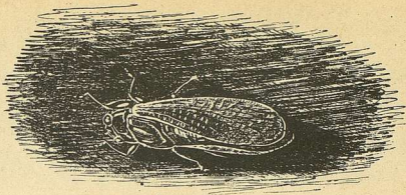
— А яйцо-то всё-таки раскладное! — кричу я. — В озере — сом, в соме — налим, в налиме — уж, в уже — рыбка, в рыбке — кузнечик, в кузнечике — трава. А сейчас мы съедем сома и...

— Чур! — закричал Петька. — Я не раскладной!

Сложил он на лопушок налима, ужа, плотву, кузнечика и всё это выбросил назад, в озеро.

А сома — съели.

ВЕСЁЛЫЙ ГОРОДОК

Это был совсем юный городок. Его строили в южном лесу. Строили, как воевали; городок наступал на лес; лес — на городок.

По вечерам вокруг фонарей крутилось белое облачко ночных бабочек и мелькали чёрные летучие мыши. Щелчок, хруст — и вниз падают, сверкая, узорные бабочкины крылья.

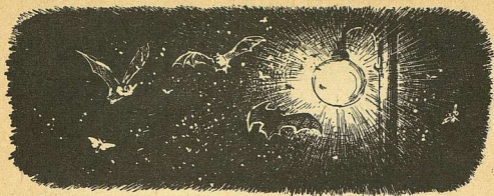
А когда поднималась луна, — из зарослей выходили шакалы. Их крики — вой, стоны, охи и ахи — были слышны в каждом домике. Все городские собаки в ответ поднимали неистовый лай.

Днём посреди шоссе вдруг рассаживались молодые длинноногие цапли — и шофёры осторожно объезжали их, гудя, как на перекрёстке. Объезжали шофёры и черепах, которые медленно ковыляли по улицам, нарушая движение.

В комнаты заползали змеи. Скорпионов находили по утрам в сапогах и под подушками.

Лес не сдавался.

Но городок наступал. Он рос вверх и раздавался

вширь. В городке строили магазины, школу, работало кино. Правда, при входе в кино на перекладине буквы „Н“ всегда сидела сова. Шурила глазищи от яркого света и глядела на людей сверху вниз. Подкинешь шапку — возмущённо всплеснёт крыльями.

При входе сова, а внутри...

Начался какой-то сеанс. Погасили свет. С экрана грянула музыка и песня. И вдруг, заглушая музыку, песню, шум в зале, затрещала цикада! Цикада — это большая муха с жёсткими „поющими“ крыльями. Крыльями этими она трёт о щетинки на теле — и трещит по ночам на весь лес.

Зрители зашикали, зашумели. А другие засмеялись и захопали в ладоши. Сеанс прервали. Включили свет. Цикада смолкла.

Но, как только свет погасили, цикада затрещала опять. Затрещала, запела свою любовную песенку, которую поёт она всегда в темноте. Раньше, в лесу, эта песня никому не мешала.

А в кино она мешает всем.

Ничего не слышно. Один треск. Даже выстрелов экранных не слышать!

Опять зажгли свет. Длинными шестами с веником на конце стали шарить по потолку и углам. Цикада смолкла.

Погасили свет, пустили кино, — запела опять!

Зрители затопали ногами, засвистели, задвигали стульями. Цикада затрещала изо всех сил — во все крылья. Она не привыкла, чтобы по ночам кто-то шумел громче её.

Зажгли свет. Вышел директор и беспомощно развёл руками. Зрители стали расходиться.

Вышли и мы. Сова с перекладинки буквы „Н“ пересела на букву „О“. Из „О“ получилась восьмёрка.

У кино ребяташки. У каждого в кулаке тоже зажата цикада. Ребята трясут над головой кулаками, — цикады и в кулаках трещат весело и звонко, как погремушки.

Губы у ребят до ушей замазаны жёлтой цветочной пылью. В руках букеты цветов, но сорванцы их не нюхают, а едят. Это съедобные цветы. Растут эти цветы на ничейной земле между городком и лесом.

Идёт весёлая война. Лес наступает на городок, городок — на лес.

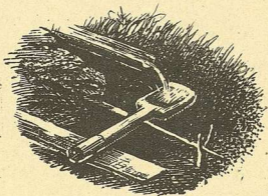
КАБАНИЙ СНЕГОВИК

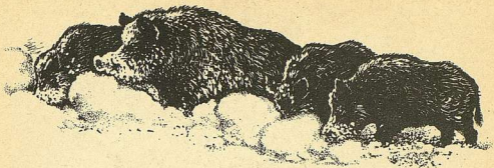
Повадились по ночам на огород кабаны. Клыками, как лемехами, рылом, как плугом, пашут. Хрустит на кабаньих зубах моя картошка, морковка да репа.

Было бы ружьё — другое бы дело. Но ружья у меня не было.

Решил караулить по ночам, жечь костёр. Кабаны ночью высунули рыла из кустов — костёр! Перехрюкнулись — и назад. Видно, тоже решили что-то.

Я по огороду хожу, кричу — кабаны в кустах стоят, молчат. Я к костру — кабаны на огород. Я сижу, отдыхаю — кабаны работают, роют.

Провёл я тогда от ручейка воду, смастерил мельницу-колотушку. Вода колёса крутит, на колесе молоточки. Молоточки по железному листу: звяк! Звяк! Звяк! Всю ночь: звяк! Звяк! Звяк! И днём: звяк! Звяк! Звяк! И до того мне эта колотушка осточертела, что я даже обрадовался, когда кабаны её сковырнули.

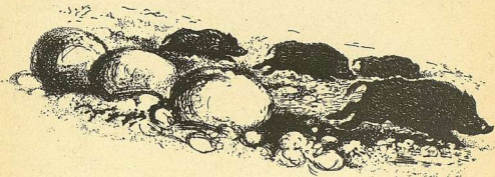
Надо ружьё покупать — другое будет дело.

И купил бы, да вдруг в ночь выпал снег. Завалило — не пройти, не проехать.

Мне бы горевать — огород завалило, а я радуюсь — от кабанов проклятых избавился! Не полезут же они под снег?

А они полезли!

На зорьке вижу — идут! Затеяли что-то! Каждый впереди себя снежный ком катит. На ком снег налипает — растёт ком.

Свистнул, — поднялись из-за снежных комьев чёрные свиные рыла, жуют. Уши-лопухи, под глазами — гранёные клыки. Посмотрели — и опять рыла в снег. Горбами комья покатали.

Рявкнул я — кабаны к лесу. Остались на огороде одни снеговые бочонки. Не долепили кабаны снеговую бабу!

Взял я тогда три самых больших бочонка, поставил один на другой. Готово туловище! Сверху ком поменьше — голова. Глаза и рот — из вырытой кабанами картошки. И морковку воткнул — нос. В руки — по сухому цветку подсолнуха. Готов кабаный снеговик!

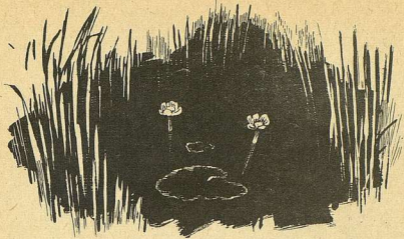
Кабанов — как не бывало! И пяточка из кустов не кажут. Каждое утро проверяю: ходили кругом, снег рыли, а на огород — ни копытом. Стоит посреди огорода чучело, глазищи-картошки вытарасило, ручищи с подсолнухами растопырило.

Сами себя кабаны напугали и от огорода отвалили.

А тут, спасибо, снег стаял. Вырыл я и картошку, и морковку, и свёклу.

Снеговик тоже растаял. Пусть. Он мне больше и не нужен.

ДАРМОЕД

Ягоду за щёку, грибок — в кузовок. От ягоды к грибку, от грибка к ягоде — и забрёл. Лес вокруг тёмный. Деревья переговариваются по-своему: ели — еле-еле, осинки — вполшёпота. Жарко. Кузова плечо оттянули.

Глядь — яма с водой. Бочажина! Лесная — чёрная. Посреди две кувшинки золотые, как свиные глаза. Так и смотрят. Загляделся я в бочажьи глаза. А позади кто-то и скажи звериным голосом: мам! Я так и отшатнулся! Медведь! Стоит и смотрит.

Я с перепугу на него грибным кузовком замахнулся, — стоит. Я ягодным, — смотрит. Потом глянул как-то боком и опять сказал: мам-м! И хоть опять я его не понял, но кузова бросил и побежал.

До бочажины полдня брёл, а от бочажины домой за полчаса отмахал. Да неделю в лес и носа не казал. Вкус грибной и ягодный забыл.

А потом думаю: волков да медведей бояться — в лес не ходить. Пошёл.

От грибка к ягоде, от ягоды к грибку — и опять забрёл.

Слышу: ели переговариваются еле-еле, осинки — вполшёпота. Вижу: бочаг чёрный с свиными глазами. А вон

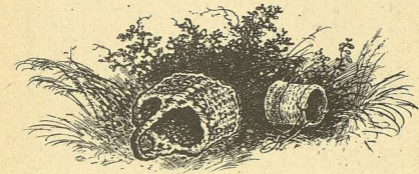
и кузовки мои — грибной и ягодный. Пустые кузовки — медведь всё слёпал. От ягод пожёвки, от грибов огрызки.

Тут-то мне и стук в голову: а уж не нарочно ли тогда мишка пугнул меня? Он ведь тоже заядлый грибник да ягодник. Что ему стоит: ворчнул раз — и два кузовка! А то собирай по крохам. А я, дурень, кузовками полными у его носа размахивал — аппетит дразнил.

Так, наверное, и есть. Не меня ж в самом деле медведь есть собрался.

Но это, конечно, так думаю я. А что медведь думал, — не знаю.

Он ведь, помню, и говорил мне тогда что-то, да я разобрать не успел: вот досада!

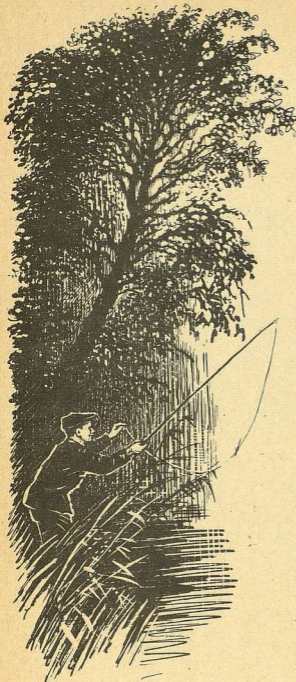
ВОДЯНОЙ КАЛЕНДАРЬ

„Пришёл июнь — на рыбу плюнь“. Думаете, рыбаки такую поговорку придумали? Как бы не так! Это дачники придумали. Выскочат на речку, по берегу скок-скок, удочкой свисть-свисть! Не ловят рыбу, а кнутом гонят. Ну и ни себе, ни людям — всю распугают.

А в июне рыбаку ум особенно надобен. Потому что рыба сыта и начинает выбирать. Это вам не голодный май. В июне от вашего глупого червяка не велика рыбе радость.

Я по берегу не скачу. Облюбован у меня омуток на реке. Пониже омутка — подмытая ёлка. Её в ледоход ещё подмыло. Легла ёлка поперёк воды и сучками, как забором, перегородила струю. Нагнало водой к еловому заборчику разный лесной хлам, забило сплошь — и получился из забора плетень. Да такой плотный — всё в нём застревает.

Так вот: омуток — это моё рыбацье местечко, а

еловый плетень — календарь.

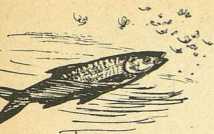
Подхожу к календарю тихонько, без горячки. Смотрю: что-то он мне сегодня покажет? И он показывает: на плетне зелёная бахромка появилась. Водоросль — водяной шёлк.

Я — домой. Беру удю простую — удилице, леса, поплавок, крючок — и к омутку. На крючок пучок водяного шёлка вяжу и пускаю по течению. Глядь — язь, глядь — плотва, глядь — лещ! Зелень-то сейчас в новинку, рыбке в охотку. Пока дачники это поймут, — рыбка на шелковинку уже с неохотой клюёт — наелась.

Я опять к календарю. У елового плетня жуки — хрущи майские. Начался их лёт. Нападали они в воду, и прибило их к плетню. Теперь лучше всего наладить донку — коротенькое удилице, на лесе тяжёлый груз, вместо поплавка — колокольчик. На крючок — жука. Жди краснопёрого широкорота — голавля! Иной раз такой засечётся — попотеешь.

Кончится лёт хрущей —

не прозевай лёт подёнки. Лёт у ней два — три дня. Густо, будто ива пушит, закружатся над рекой тысячи белых бабочек — и начнётся не-удержимый рыбий жор!

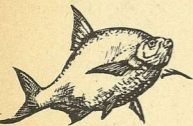
И о начале жора я узнаю по своему календарю. Нападают подёнки — будто снежком воду у плетня припорошит.

Теперь не зевай! Торопись, хватай свою нахлыстовую удочку — тонкую, гибкую, без поплавка и грузила на лесё. Удочкой, как кнутом, хлещи — дачникам на радость. Но леску на воду нежно клади. На подёнку и плотва, и язь, и голавль, и шереспёр берут. Поспевай только наживку менять!

Пока дачники поймут что к чему, — лету конец.

Я дома рыбу жарю, а дачники на моём омутке мудрят: и донку закинут, и на уду ловчат, и нахлыстом воду полосуют — нет ничего! Удивляются: местечко завидное, червяки — сам бы ел! — а рыба не берёт! А того не поймут, что теперь объевшейся рыбе не только что червя, а даже подёнку хоть под самый нос суй — и не посмотрит!

Вот вам и „июнь — на рыбу плюнь“!

БЕСПОНЯТЫЙ ВОЛК

Ехали ночью в машине по зимней лесной дороге я и шофёр. По бокам — чёрной стеной ночь, впереди — прямая дорога, освещённая фарами. Прямая, яркая, как луч прожектора.

Дремлю рядом с дружком-шофёром — укачало.

Вдруг дружок толк меня локтем в бок: волк!

Я так и подскочил! Впереди, на дороге, стоит волк. Голову поднял, уши торчком, хвост поджат. И будто растёт — так быстро мы к нему приближаемся.

Рванулся волк, повернулся и поскакал. Смешно: волк от нас не удаляется, не приближается — будто на одном месте подскакивает!

— Жми на газ, — зашептал я, тормоза шофёра.

Машина взвыла — волк стал расти. Но сейчас же лапы волка замелькали быстрее; он перестал расти и опять запрыгал на месте.

— Жми! — заорал я. — Жми, догоним!

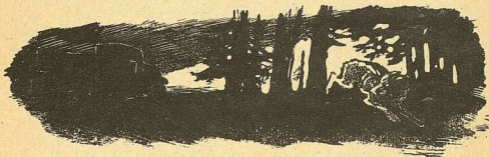
Машина рванулась. Стрелка спидометра прыгнула и задрожала на цифре „60“.

Волк опять стал расти. Из-под его задних лап полетели комья снега. Вот комья стали бить в радиатор. Вот из-за радиатора видна только одна волчья башка с прижатыми ушами. И тут, когда казалось, что зверь наш, волк на бегу стал сворачивать с дороги. Уйдёт, серый бандит!

— Стой! Стой! — заорал я во всё горло.

Заорал и сунулся лбом в стекло. Потому сунулся, что шофёр надавил на тормоз, и машина резко затормозила. Волк скрылся в темноте.

— Что ты наделал? — набросился я на друга. — Волка пустили!

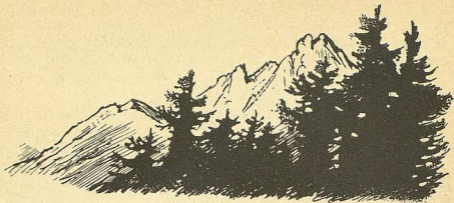
— Ты же сам заорал— „стой“!—вытарашил на меня глаза друг.

— Так то я волку кричал!— метался я.— Понимаешь? Вол-ку!

— Я-то понимаю,— огрызнулся товарищ.— а вот только волк—как?

Нечего делать. Поехали дальше. До самого дома смотрели в разные стороны.

КЛЮЧИК

Помню, собрался я в горы за травой. Навьючил коня, приторочил к вьюку косу, вилы и грабли. А чтобы удобнее и легче было, взял я косу, вилы и грабли без рукояток. Не очень-то ладно цепляться на узкой тропе длинными рукоятками за деревья.

„На месте вырублю“, — решил я.

Пробивался я сквозь лес долго, поднялся высоко. Лесище — непроглядный. Еле нашёл в лесу рединку. Трав на рединке не густо — плешь на лысине! Но косить можно. Развьючил я коня, покурил. Тут же и рукоятки вырубил — ровные такие жердинки. Чтоб руки не скользили, кору с жердинок снимать не стал — только сучки обрубил. Насадил на жердинки косу, вилы и грабли. Закрепил гвоздями. Готов инструмент. Можно за дело.

Весь день косил, сушил, переворачивал и копнил. Солнце жгучее — к вечеру всё высохло. Связал я два большущих тюка сена — и на вьюк. Сверху ещё кувшин из-под воды, куртку, сапоги. Не вьюк, а целый воз вышел. Косу да вилы девать некуда — хоть на себе тащи!

А куда там на себе, спину за день наломал — гудит. Взял я и воткнул косу, вилы и грабли рукоятками в землю посреди поляны, чтоб издали видно было. Всё равно на будущее лето сюда за травой подниматься. И кнут свой в землю воткнул — к дому да под гору конь и без кнута ходко пойдёт.

Но на будущее лето подняться на рединку не пришлось. Собрался я на неё только через два года.

Вот, помню, поворот тропы, а повыше и рединке быть бы. Смотрю: по месту — она, а не узнаю. Тогда на рединке плешины да лысины были, травы чуть. А сейчас трава выше плеч, да сочная, густая. Цветы яркие, ровные. Птицы — на все голоса! Зайчики солнечные скачут. И гуд над поляной от пчёл, и мёдом пахнет. Чудеса!

Посреди рединки — три деревца густолистных. Листья на ветру, как солнечная рябь на воде. Пригляделся я и ахнул: так это же мой инструмент пророс! Коса, грабли и вилы! Вот они — железные кольца в стволики врезались. Под деревцами куст. Это мой

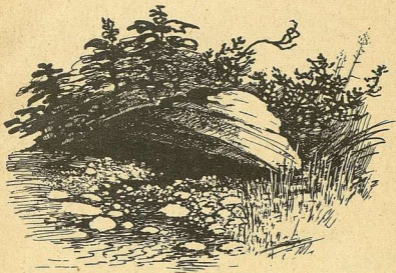

кнут разросся. Только по ремню и узнать можно — до сих пор висит.

Сел я под ремённый куст — приглядываюсь. Вижу — земля сырая кругом, а тогда, два года назад, совсем сухая была. Пошёл по рединке вверх. В самом верхнем углу нашёл маленький ключик, родничок. Камень в сторону сдвинулся, и пробилась вода, всю поляну увлажнила. Может, я сам даже тогда этот камень ногой нечаянно спихнул. А может, мой конь копытом сдвинул. Как в сказке!

Размечтался я у ключика: вот бы ко всякой земле такой ключик подобрать. Ключиком — раз! — и забьёт из-под земли зелёный фонтан. Распрямятся скрюченные

ростки, на старых пнях вымахнут побеги. Ключиком — чик! — и зацветут разные цветы. Пусть старик с медведем собирают верхки и корешки. У бабки с внучкой репка вырастет большая-пребольшая. Такая, что тянут-потянут — вытянуть не могут. И нет уже ни у кого больше разбитого корыта и землянки. И все Золушки танцуют в хрустальных туфельках. Как в сказке!

СОДЕРЖАНИЕ

Дятел	3
Как клесты заставили белок по снегу пры- гать	7
Вежливая галка	9
Фазаний букет	11
Трясогузкины письма	13
Стрижиная тайна	16
Весёлая игра	20
На неведомой дорожке	23
Раскладное яйцо	26
Весёлый городок	29
Кабаний снеговик	32
Дармоед	35
Водяной календарь	38
Беспонятный волк	41
Ключик	44

80 к.

Папка 70 к.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

**Сладков Николай Иванович
ТРЯСОГУЗКИНЫ ПИСЬМА**

Ответственный редактор *Н. Л. Страшкова.*

Художник-редактор *Ю. Н. Киселев.*

Технический редактор *Л. Б. Леонтьева.*

Корректоры *А. К. Петрова* и *Л. К. Малайко.*

Подписано к набору 10/XII 1958 г. Подписано к печати 13/III 1959 г. Формат 70×92^{1/2}.

Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 2,34. Тираж 115 000 экз.

Ленинградское отделение Детгиза, Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Заказ № 421. Цена 80 к.

2-я фабрика детской книги Детгиза

Министерства просвещения РСФСР.

Ленинград, 2-я Советская, 7.